

АЛЕКСАНДР ЛИВЕРГАНТ

АГАТА
КРИСТИ:
свидетель обвинения

Первая русская биография

Литературные биографии

Александр Ливергант

**Агата Кристи.
Свидетель обвинения**

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Ливергант А. Я.

Агата Кристи. Свидетель обвинения / А. Я. Ливергант —
«Издательство АСТ», 2022 — (Литературные биографии)

ISBN 978-5-17-145416-6

Александр Ливергант — литературовед, переводчик, главный редактор журнала «Иностранная литература», профессор РГГУ. Автор биографий Редьярда Киплинга, Сомерсета Моэма, Оскара Уайльда, Скотта Фицджеральда, Генри Миллера, Грэма Грина, Вирджинии Вулф, Пэлама Гренвилла Вудхауса. «Агата Кристи: свидетель обвинения» — первый на русском языке портрет знаменитого, самого читаемого автора детективных романов и рассказов. Под изобретательным пером Агаты Кристи классический детектив достиг невиданных высот; разгадки преступления в ее романах всегда непредсказуемы. Долгая, необычайно насыщенная жизнь, необъятное по объему творчество создательницы легендарных сыщиков Эркюля Пуаро и мисс Марпл — казалось бы, редкий пример благополучия. Автор биографии, опираясь на многие, в том числе впервые опубликованные на русском материалы, рисует несколько иную картину: оказывается, жизнь писательницы была полна самых неожиданных поворотов — и иной раз напоминала «закрученные» сюжеты ее романов. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145416-6

© Ливергант А. Я., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	7
Глава первая	9
Глава вторая	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Александр Ливергант

Агата Кристи: свидетель обвинения

© Ливергант А.Я.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*По-моему, мои книги никакого значения не имеют.
Они занимательны, не более того.*
Агата Кристи

Пролог

Окончательное решение созрело в тот же день.

Когда в десятом часу вечера, в пятницу 3 декабря 1926 года, она раздвинула тяжелые бархатные шторы – ни дороги, ни огней Саннингдейла (даром что Солнечная долина), ни живописного вида, открывавшегося из окна верхнего этажа, из-за густого тумана видно не было.

Этот зимний вечер ничем, казалось бы, не отличался от любого другого. Дочь, семилетняя Розалинда, крепко спала в соседней комнате. Внизу, на кухне, гремела кастрюлями и что-то напевала себе под нос служанка Лили. Из Лондона вечерним поездом возвращалась ее секретарша и – по совместительству – няня Розалинды Шарлотта Фишер. Когда-то она прозвала Шарлотту – не только няню и секретаршу, но и близкую подругу – «Карло», и с тех пор никто мисс Фишер иначе не называл. У Карло сегодня был «отгул»: она сама настояла на том, чтобы Карло провела вечер пятницы в Лондоне, пошла с другом в ресторан потанцевать...

Она присела к столу, взяла свою визитную карточку и на обороте крупными буквами вывела: «Дорогая Карло»; дальше, однако, дело не пошло: в возникших обстоятельствах писать подруге даже короткую записку было куда труднее, чем детективные романы. Писала она, впрочем, всегда тяжело – придумать и раскрыть преступление было гораздо легче, чем его описать. «Как» было для нее сложнее, чем «что».

Карло должна была появиться в течение часа, а вот мужа, в прошлом летчика королевских ВВС, высокого, бравого, усатого полковника, с которым она прожила двенадцать лет и который гольфом интересовался куда больше, чем женой, тем более – ее сочинениями, она в тот вечер не ждала. В «Стайлзе» он вообще был последнее время редким гостем. Давно прошли те времена, когда, приобняв молодую жену за талию, он ей нашептывал: «Пообещай, что всегда будешь так же неотразима». Эту фразу она потом подарила одному своему персонажу, такому же, как Арчибальд Кристи, записному кинематографическому красавцу. И такому же, как теперь выясняется, негодяю.

Первым, кто догадался, что в ближайшее время возвращаться в «Стайлз» она не намерена, был Питер, жесткошерстный терьер, ее любимец и гроза окрестных кошек, подарок родителей Розалинде. Недолголюбивал Питер и Карло с Розалиндой, люто ревновал и ту и другую к хозяйке. Подозревал, и не без оснований, что ее сердце отдано не ему одному.

Оставалось еще два дела: поцеловать на прощанье спящую дочь и оставить на столе в шкатулке красного дерева обручальное кольцо – его они найдут без труда.

Перед самым отъездом почему-то вспомнилось, как Клара, ее покойная мать, весной этого года, незадолго до смерти, сказала дочери трагическим шепотом: «Знаешь, иной раз так хочется расстаться с собственным телом...», – и после глубокомысленной паузы пояснила: «Не терпится поскорей выйти на свободу из этого узилища!» Как в воду смотрела!

И еще вспомнилось, как Арчибальд (отменно здоровый человек, он терпеть не мог разговоров о болезнях и смерти – и в трудную минуту принимался шутить и рассказывать анекдоты) предложил ей, узнав о кончине тещи, поехать с ним в Испанию, где у него были дела, развеяться. Так и сказал: «Получишь удовольствие – развеешься». У нее тогда впервые возникло ощущение, что он ей чужой, о чем она потом напишет в «Автобиографии»:

«Охватывает ужас, когда сидишь за чайным столиком с самым близким тебе человеком – и вдруг осознаешь, что человек этот тебе чужой».¹

В тот день, 3 декабря, вернувшись, по обыкновению, из клуба домой уже под утро, Арчи налил себе чаю, затянулся сигарой, после чего, стараясь на подругу жизни не смотреть, совершенно спокойно, деловым тоном, словно речь шла о покупке холодильника или поездке

¹ Здесь и далее все цитаты даются в собственном переводе автора, если не указано иного.

в Геную (любил Лигурию!), напомнил ей о том, о чем говорил еще летом. Он влюблен в другую женщину и хочет развестись. И чем раньше, тем лучше. «Ее зовут Нэнси Нил, – уточнил он. – Ты наверняка ее помнишь, она бывала у нас дома». Ее, как и в тот раз, в августе, охватила паника, она почему-то, облизнув губы и нервно поправляя прическу (как всегда, когда волновалась), пустилась в извинения, словно была в чем-то виновата. Стала сбивчиво говорить, что поменяет свой образ жизни (в котором не было ровным счетом ничего предосудительного), и попросила о трехмесячной отсрочке. И, чтобы снять напряжение, предложила мужу, по сути уже бывшему, поехать на уик-энд в Йоркшир, в чем ей было под благовидным предлогом незамедлительно отказано: «Боюсь, не получится, дорогая: давно уже договорился с друзьями провести выходные у них в Хартморе». После чего она, вдруг сообразив, в какое унижительное положение сама же себя поставила, взорвалась и пригрозила: «Не поедешь со мной в Йоркшир – дома меня, когда вернешься, не застанешь». Арчибальд – он и не думал возвращаться – был, как видно, к этой вспышке готов, и с невозмутимым видом заявил, что ему уже давно надоело «разгадывать эти шарады», и он уходит. Сказано – сделано: потушил сигару, допил чай, взял со стола газету и, сказав на прощанье, что разводом, если она будет противиться, он займется сам, без ее участия, вышел из дома, сел в машину и уехал.

Он уехал, а она вспомнила, как еще ребенком, играя в «исповедь» (чистосердечные ответы на прямые вопросы), на вопрос: «Самое большое несчастье?» ответила: «Это когда меня разлучают с тем, кого я люблю».

Тогда-то окончательное решение и было принято. «Но продуман распорядок действий, / И неотвратим конец пути...» Не зря же она сочиняет детективы – шесть романов уже увидели свет, заканчивает седьмой.

Записки, адресованные Карло и Арчи, были написаны и оставлены на столе в прихожей, чемодан наскоро собран (несколько платьев, ночная рубашка, две пары обуви). Она спустилась вниз, потом передумала, вернулась, как была – в шубе и шляпке, – в гостиную, где посидела минут пятнадцать – а вдруг Арчи все-таки одумается и вернется? Просидела, глядя на висевшую на стене картинку – обложку ее книги, вышедшей в «Bodley Head»: за темно-синей занавеской застыл человек в ярко-красном халате; в глазах у него ужас, в руках свеча, в свете свечи видно, как кто-то склонился над столом, а в дверях неподвижно стоит высокая женщина с накидкой на полных плечах. Наконец, решительно встала, взяла чемодан, вышла на улицу, медленно, словно нехотя, направилась к гаражу и, громко сказав вслух: «Так тому и быть!», села за руль недавно купленной «моррис-коули». И, отъезжая, подумала: «При чем тут шарады?!»

Глава первая

О пользе сметаны, или «Одинокое время»

1.

Когда зимой 1890 года миссис Фредерик Алва Миллер (друзья называли ее почему-то Кларой) обнаружила, что беременна, она первым делом заявила кухарке, что отныне сметану следует подавать к столу три раза в день, а не только к завтраку. Про целительное действие фермерской сметаны она, впрочем, узнала давно, одиннадцать лет назад, когда была беременна старшей дочерью Маргарет (или Мэдж, как ее звали в семье). Спустя еще год Клара родила сына – Луиса Монтента (домашнее имя – Монти), и точно так же трижды в день отдавала сметане должное. Помешанная на диете (и вообще на здоровье), она знала толк во «вкусной и здоровой пище», чему ее научила старшая сестра матери – тетушка Маргарет, корпулентная, добродушная, отзывчивая, при этом весьма прижимистая особа с актерскими замашками. После того как Кларин отец, капитан Бэмер, неполных пятидесяти лет разбился насмерть, упав с лошади, и двадцатисемилетняя Мэри-Энн, мать Клары и еще четырех детей, осталась без гроша, Маргарет забрала девятилетнюю Клару к себе.

Жилось Кларе у тетушки невесело, хотелось домой, и она бы совсем затосковала, если б не племянник тетушкиного мужа, состоятельного американского бизнесмена, красавец Фредерик Миллер. Фредерик был старше Клары на восемь лет, отличался бурным темпераментом, безоблачным, чисто американским оптимизмом, неустанно развлекал Клару, когда приезжал в Англию, историями из американской жизни, по большей части выдуманными, и шутил напрапалую. «Я уставала смеяться», – жаловалась тетушке влюбившаяся без памяти в юного американца семнадцатилетняя Клара. Она и в самом деле души в нем не чаяла, и это при том, что, играя в популярную в те годы «исповедь», лучшими качествами мужчины назвала «твердость, нравственную смелость и честь», коими Фредерик, увы, не отличался, уж твердостью-то во всяком случае.

Отец Фредерика, владелец преуспевающего бизнеса и дома на Манхэттене, его баловал и содержал, отправил учиться в Швейцарию и спускал сыну-недорослю юношеские причуды и увлечения. Жил Фредерик в свое удовольствие, был членом престижного нью-йоркского «Union Club», играл в теннис, крокет, карты, ходил на скачки, где обыкновенно проигрывал, и на вопрос той же «исповеди»: «Что ты любишь делать больше всего?», не задумываясь, отвечал: «Валять дурака». В женщинах же – опять же отвечая на вопросы «исповеди» – больше всего ценил «сговорчивость и податливость», которой решительная, целеустремленная Клара, в свою очередь, похвастаться не могла. Фредерик не только сам был по натуре оптимистом, но и внушал оптимизм каждому, кто попадался ему на пути. Как было не влюбиться в такого!

Чем реже Клара видела своего американского кузена, тем больше – обычное дело – по нему сохла. А он, судя по всему, – по ней: то и дело посылал ей подарки, в том числе и книги; Фредерик знал, что Клара увлекается поэзией, и преподнес ей однажды подарочное издание стихотворений и поэм Роберта Саути с трогательной надписью: «Кларе в знак любви». Не осталась в долгу и Клара: послала жениху – и тоже в знак любви – свои дневники вместе с венком из маргариток.

Ждать семейного счастья пришлось, однако, долго: лишь в сентябре 1877 года Фред наконец остепенился и, приехав в очередной раз в Англию, сподобился сделать Кларе предложение. Последовал отказ – что было в порядке вещей: не могла же благовоспитанная викторианская барышня на выданье с первого раза сказать «да». Фред, как полагается, подождал месяц-

другой, вновь попросил Клариной руки, на этот раз получил согласие (в котором, впрочем, ни минуты не сомневался), и в апреле 1878 года Клара и Фред обвенчались, провели медовый месяц в Швейцарии, а по возвращении, прожив в Илинге с тетушкой Маргарет несколько месяцев под одной крышей, сняли себе дом в курортном городке Торки на юге Англии, центре так называемой Британской Ривьеры. Городе вилл, стриженных газонов, пальм в кадках и тучных, ухоженных леди. Городе, про который Киплинг однажды обмолвился, что «с удовольствием бы нарушил вечный покой этого сонного царства, протанцевав по его улицам в чем мать родила, в одних очках».

Свою идею живой классик так и не воплотил в жизнь, а вот Клара, в отличие от автора «Книги джунглей» и «Кима», отплясывала в дансинге «до зари» чуть ли не каждый день, предоставив своему азартному супругу так же до зари играть в вист (и просаживать немалые деньги) на веранде королевского яхт-клуба. Забеременев во второй раз, Клара настояла, чтобы муж отвез ее в Нью-Йорк, и, пройдя по Манхэттену, пришла к выводу, что Торки – не самый оживленный город на свете, и бывают под солнцем и туалеты более модные, и магазины роскошнее, и рестораны вкуснее.

Однако по возвращении из Америки Клара покупает в Торки дом: особняк Эшфилд на Бартон-роуд, стоявший в огромном саду, в тени буков, кедров, елей и падубов, пришелся по вкусу не только ей, но и мужу, который, впрочем, с женой редко не соглашался. И в Эшфилде, в Девоншире, спустя десять лет, 15 сентября 1890 года, в два часа пятнадцать минут пополудни Клара рождает девочку с золотистыми волосами, серо-голубыми глазами и очень длинным именем: Агата Мэри Кларисса Миллер; Клариссой назвала дочь в свою честь, Мэри – в честь матери, а Агатой – в честь любимой героини из книги Дайны Крейк «Муж Агаты».

2.

Дочерью Клара занималась мало, предоставив ухаживать за Агатой няне, Нянюшке, рыхлой женщине средних лет, в неизменном чепце, с одутловатым, усыпанным веснушками лицом, к которой Агата быстро и надолго привязалась. Мудрая и терпеливая, Нянюшка была олицетворением порядка, здравого смысла и стабильности. Угнаться за прыткой девочкой, когда та стремглав носилась по саду, Нянюшка при всем желании не могла, но роль Арины Родионовны исполняла исправно. Рассказывала своей питомице нескончаемые сказки и легенды, как правило, одни и те же, с участием великанов, принцесс, колдунов и рыцарей, и, что еще важнее, внимательно слушала фантазии самой Агаты – девочки памятной, наблюдательной и очень впечатлительной.

Маленькая Агата большую часть дня была предоставлена самой себе – отсюда и впечатлительность, страсть фантазировать. Старшие сестра и брат разъехались учиться: двенадцатилетнюю непоседу Мэдж отправили в Брайтон в интернат для девочек, одиннадцатилетнего Монти, самовлюбленного и неуравновешенного, помешанного на деньгах красавчика, – в Лондон, в Харроу. Фантастические истории приходилось поэтому, за отсутствием слушателей, рассказывать самой себе. Для чего четырехлетняя Агата либо пряталась в оранжерее, где хранились садовая мебель, клюшки для гольфа и велосипеда, либо забиралась в дупло самого большого в саду дерева, «Дерева Мэдж», в котором погружалась в воображаемый мир «одинокоего времени», как она, когда немного подросла, стала называть эти свои «медитации». И никому, даже матери, даже Нянюшке, об этих своих медитациях не рассказывала; вообще была, особенно в раннем детстве, скрытной, замкнутой, любила повторять не очень понятную фразу, почерпнутую у кого-то из взрослых: «Не люблю расставаться с информацией». Предпочитала держать язык за зубами; когда ей было лет шесть, не выдала служанку – та, накрывая на стол, съела у нее на глазах несколько ложек из супницы. Когда же гостила в Илинге у «тети-бабушки», как она называла Маргарет, то запиралась в уборной, садилась на унитаз,

как на трон, и либо разглядывала висевшую на стене карту Нью-Йорка, либо изображала из себя королеву: протягивала руку для поцелуя «своим подданным» – канарейке и терьеру, которых брала в Илинг с собой.

Воображаемый мир значил для нее куда больше реального, отчего ночью ее преследовали кошмары. Ей не раз снился один и тот же сон, который она впоследствии опишет в биографическом романе «Неоконченный портрет»:

«В доме гости. Ко мне медленными шагами приближается незнакомец, он поедает меня своими стальными глазами, он вооружен старинным мушкетом, у него загадочная улыбка и широкополая шляпа. И самое ужасное: смотришь на маму – а вместо нее видишь непрошеного гостя. Мама поднимает руку, и из-под рукава ее платья выглядывает, о ужас, его страшная, обезображенная культия!»

«Мой вооруженный бандит» назвала незнакомца Агата – и настояла, чтобы у нее в спальне, над кроватью, всю ночь горела газовая лампа.

Брата и сестру Агате заменяли домашние животные. С кошками она обращалась так, будто это были ее дети: называла их человеческими именами, пеленала и кормила с рук, очень удивляясь, что «детям» нравится это не слишком. Учила жить канарейку, которую прозвала «мастер Дикки». Целыми днями просиживала в бильярдной, не сводя глаз с рыбок в аквариуме, которым придумала коллективное имя – «миссис Рыб». Часами воспитывала непоседливого четырехмесячного терьера Джорджа Вашингтона, подаренного отцом, когда ей исполнилось пять лет. Когда же умер пятнадцатилетний Скотти, любимая собака Монти, Агата была безутешна, устроила ему пышные похороны и потребовала от слуг надеть траурные повязки...

У Клары, особенно с возрастом, появилось немало причуд – про сметану на обед и на ужин мы уже говорили. Причуды эти распространялись и на ее любимую (потому что самая младшая?) Агату. Обувь следовало носить только высокую, с затянутой – для укрепления лодыжек – шнуровкой, пояс на платье, напротив, не затягивать: тугий корсет препятствует росту, портит фигуру. Летом ни в коем случае нельзя выходить на улицу без соломенной шляпы: «Вы даже не подозреваете, – поучала детей и мужа Клара, взывая к их благоразумию, – как коварны солнечные лучи». Эркюль Пуаро ее бы понял: «Он принадлежал к старому поколению, считавшему, что от солнца должно всячески укрываться»².

Еще коварнее, по мнению Клары, было образование. Нет ничего более вредного для ребенка, считала она, чем учить его читать до восьми лет. И упаси бог отдавать в школу – научат невесть чему. Не выносить же из дома сотни книг – а потому Агате строго-настрого запрещалось заходить в библиотеку. Что бывает, когда детям что-то строго-настрого запрещается, все мы хорошо знаем. Агата, разумеется, нашла способ проникнуть в домашнее книгохранилище и вынести оттуда «контрабандой» самую желанную книгу на свете – любовный роман Л.Т.Мид «Ангел любви». По ней-то она и выучилась читать, о чем Нянюшка была вынуждена поставить миссис Миллер в известность: «Боюсь, мэм, мисс Агата умеет читать». Читать научилась хорошо и быстро, а вот писала с ошибками, долгое время не могла отличить В от R. Реакция на «сигнал» Нянюшки, как всегда у Клары, была молниеносной и совершенно непредсказуемой: «Научилась читать, говорите?! Что ж, раз научилась, пусть уж тогда читает всё подряд!»

И шестилетняя Агата пустилась читать «всё подряд»: и Диккенса, и Эдгара По, и Эдварда Лира, и Льюиса Кэрролла, и Кипплинга, и «Робинзона Крузо», подарок тети-бабушки, и даже энциклопедии, атласы, словари, имевшиеся в домашней библиотеке. А еще – американские детские книжки с картинками вроде «Мистера Поттера из Техаса» или «Мистера Барнса из Нью-Йорка», которые она «дочитывала» за Мэдж и Монти, как в неимущих семьях донашивают одежду за старшими братьями и сестрами. Но разве могут сравниться какие-то кэрроллы

² Родосский треугольник / пер. В.Постникова, А.Шарова // Агата Кристи. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 1998.

и киплинги с великой и непревзойденной Мэри Луизой Моулсворт или Беатрикс Поттер, тем более – с «Панчем и Джуди»?! Агата зачитывалась такими шедеврами миссис Моулсворт, как «Приключения ее малыша», «Расскажи мне историю», «Часы-кукушка», «Комната с гобеленами», однако предпочитала, чтобы романы миссис Моулсворт или «Историю охотников за бриллиантами» Эдит Несбит, да и любую другую книгу о пропавших сокровищах из Индии, жестокосердных школьных наставницах и веселых и предприимчивых школьников, о волшебных городах и странах ей читал вслух отец. У него это получалось лучше, доходчивее, кроме того, он терпеливо объяснял дочери значение незнакомых слов. Какое удовольствие было залезть к Фредерику на колени, сунуть ему в руку книгу и вдыхать ароматы его надушенной бороды и сигары! Аудиосессия, увы, продолжалась недолго: у Фредерика, как ни странно, были дела поважней; кроме того, Агата, как и все дети, требовала от отца перечитывать свои любимые места, а Фредерику это почему-то не нравилось... Куда с большей охотой учил он младшую дочь арифметике, которая ей сразу же понравилась, играл с ней в слова, в шарады, сочинял вместе с ней акrostих, давал читать, когда она немного подросла, «взрослые» журналы: «Cornhill Magazine», «Lady's Magazine». А еще... давал деньги.

«Захожу к нему, – вспоминала годы спустя Агата, – говорю “доброе утро” и направляюсь прямоком к туалетному столику посмотреть, что преподнесет мне судьба на этот раз... Два пенса? Пять? Или целых одиннадцать? А бывало, на столе вообще не было ни одной монетки. Никогда не знаешь, сколько будет сегодня – а ведь это ж самое интересное...»

3.

Меж тем дни Мастера Дикки, рыбок в аквариуме, сварливого, непоседливого Джорджа Вашингтона, «Ангела любви», «одинокое время» и Мэри Луизы Моулсворт были сочтены. Мир шестилетней Агаты стремительно ширится, усложняется, расцветается новыми героями, наблюдениями и увлечениями; старые же постепенно отходят на задний план, а потом и вовсе теряются из виду. Шестилетнюю Агату ожидают сюрпризы, много сюрпризов.

В один прекрасный день к дверям Эшфилда подъезжает коляска, и из нее выпрыгивает неизвестная Агате разодетая семнадцатилетняя девица в маленькой соломенной шляпке набекрень и в белой вуали с черными мушками. Выпрыгивает и с обворожительной улыбкой и словами «Ma petite poulette!»³ заключает в свои ароматные объятия растерявшуюся младшую сестру. Да, это Мэдж; закончив пансион мисс Лоренс в Брайтоне и проведя девять месяцев в Париже, она возвращается в отчий дом настоящей парижанкой, «раскрасавицей», как она сама себя, несколько, по правде сказать, преувеличивая, называла.

Радость от встречи с сестрой была, впрочем, недолгой. Мэдж – шалунья, любит переодеваться, выдавать себя за кого-то другого. Оденется джентльменом во фраке или игроком в крикет, подзовет перепуганную крошку Агату и скажет: «А ведь я не твоя сестра». Когда же Агата расплчется, примется ее успокаивать: «Твоя, твоя, чья ж еще?!»

К тому же Мэдж – на выданье, в Торки ей делать нечего, и родители в скором времени увезут старшую дочь в Нью-Йорк: там ярмарка женихов побогаче будет. Но и в Эшфилде Агата – она боготворит старшую сестру – видится с ней не часто. Мэдж ходит по гостям и балам, кружит головы многочисленным ухажерам, и Агате остается лишь прикидывать, у кого из поклонников сестры больше шансов. Шансов, однако, нет ни у кого. А вернее – у всех: разочаровывать потенциальных женихов легкомысленная Мэдж не торопится.

«Одинокое время», казалось бы, возвращается; к прочим одиноким играм, которыми за отсутствием подруг развлекала себя Агата, прибавилась игра в школу – ее, как мы знаем, Клара до поры до времени дочь лишила. Агата придумывает себе школьных подруг, учителей,

³ Моя маленькая цыпочка. (фр.)

школьные проделки и происшествия, о чем спустя много лет напишет в «Автобиографии». Родители же и старшая сестра надолго отправляются за океан, откуда пишут Агате духоподъемные и наставительные письма, чтобы она хорошо себя вела, помогала Нянюшке («Ты ведь уже взрослая!») и не обижала кухарку Джейн, вылитую мисс Просс из «Повести о двух городах» Диккенса: «неистовая рыжая особа с мощными дланями»⁴, существо взбалмошное, на редкость бескорыстное и благородное. Опасения напрасны: Агата законопослушна; да и попробуй Джейн обидеть: кухарка поперек себя шире, к тому же они с Агатой друзья, Джейн учит мисс Миллер печь пирожные с заварным кремом – объеденье!

Со временем Агата, как в свое время Клара, переезжает к двоюродной бабушке Маргарет в Илинг, где ее для порядка поднимают в семь утра, водят по воскресеньям в церковь, учат, вслед за Фредериком, арифметике и кормят на убой: необъятные порции вишневого торта с кремом запомнятся Агате на всю жизнь. А еще запомнятся перепалки двух бабушек, «тетя-бабушки» (Маргарет) и «бабушки-бабули» (Мэри-Энн), которая приезжала к старшей сестре в Илинг из Бейсуотера. Бабушки любили поспорить, кто из них в молодости был красивее. «Да, лицом ты была, пожалуй, посимпатичнее меня, – признавала Маргарет, – зато у меня фигура была получше. А джентльмены, сама знаешь, любят фигуристых».

Второй сюрприз ожидал Агату спустя полгода. Любимый Эшфилд – она подробно его опишет в своей последней книге «Врата судьбы», – как вдруг выяснилось, не вечен. Из Америки родители возвращаются в неважном настроении: дела Фредерика обстоят не лучшим образом, бизнесмен из него, человека легкомысленного и опрометчивого, не получился, финансы семьи «трещат по швам», и решено Эшфилд со всей его небедной обстановкой сдать в аренду – самим же переехать в дом подешевле или надолго уехать за границу. Агата проговаривается прислуге: «Мы разорены», за что получает от матери нагоняй – не выноси сор из избы, да еще такой богатой и хлебосольной. За стол в Эшфилде в лучшие времена садилось по двадцать человек, обед – и какой! – состоял не меньше чем из пяти блюд. Девочка испуганно, во все глаза наблюдает, как пакуются и отправляются на хранение ковры, бессчетные картины и обеденные и чайные сервизы (с которых, кажется, еще вчера ели такие знаменитости, как Киплинг и Генри Джеймс). Опустошаются шкафы и комоды, уставленный безделушками хрупкий, изящный секретер, снимаются с полок, надписываются и увязываются в пачки книги и альбомы, раскрываются и запираются до отказа набитые сундуки, баулы и чемоданы.

В прежние времена не проходило и дня, чтобы Фредерик по дороге в яхт-клуб, куда он неизменно направлялся по утрам выпить стакан шерри и «перекинуться словом с ребятами», не заходил в антикварную лавку и не покупал там всё подряд: сервизы, фарфор, карточные столики, подсвечники, японские карикатуры, бывшие в Англии в конце позапрошлого века в большой цене, и, конечно, живопись. Последним его приобретением стала картина местного «передвижника» Бэрда «Пойман с поличным»: мать хватает за руку провинившегося сынишку.

Клара в этом отношении была мужу под стать: она тоже, пока водились деньги, коллекционировала брошки, кольца, духи, веера, драгоценности. Теперь же со слезами на глазах (легко плачет) заговорщицеским шепотом сообщает младшей дочери, что «у папы, знаешь ли, неприятности», и Агата без лишних слов стремглав бежит вверх к себе в комнату и приносит отцу набитую медными монетами копилку; теми самыми монетами, которыми он некогда ее одаривал. А в придачу – вдруг этого мало?! – вручила Фредерику свой любимый кукольный дом.

Но разве может сравниться потеря Эшфилда с потерей Нянюшки? Тем же памятным летом 1896 года Нянюшка объявляет хозяевам, что устала, уезжает в Сомерсет, в свой маленький коттедж, и больше жить в людях не намерена. На пыльные письма Агаты, с детства очень привязчивой («Дорогая моя Нянюшка, я без тебя очень скучаю, надеюсь, что ты здорова,

⁴ Повесть о двух городах / пер. С.Боброва, М.Богословской // Чарльз Диккенс. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 22. М.: ГИХЛ, 1960. С. 116.

у Джорджа Вашингтона блохи, люблю, целую»), отвечает редко, односложно и с орфографическими ошибками.

И, наконец, главный сюрприз: дом сдан, и Миллеры – на этот раз вместе с Агатой – уезжают на год за границу. С Агатой – но без йоркширского терьера. Поди пойми родителей: везут с собой восемнадцать сундуков и чемоданов, а бедного Джорджа Вашингтона оставляют с горничной!

4.

Пребывание во Франции – цепь горчайших разочарований. В Булонь плыли целых два часа и очень тошнило. Хваленые Пиренеи напоминают торчащие в разные стороны желтые, кривые стариковские зубы. А тут еще заставляют зубрить этот дурацкий французский, и почему только мама называет его «языком любви»? Целых три раза в неделю приходится часами просиживать в холле гостиницы «Босежур»⁵ (сильное преувеличение – гостиница как гостиница) и повторять за надушенной уродливой толстухой мадемуазель Моура непонятные картавые слова, которые с любовью не имеют ничего общего. Заметим к слову, что язык Мольера Агата за время пребывания во Франции все-таки выучила – правда, «виновата» в этом не мадемуазель Моура, а молодая, хорошенькая француженка-гувернантка Мари Сиже, с которой Агата быстро сдружилась и которую Миллеры увезут потом с собой в Англию. По-французски говорила Агата свободно и с неплохим произношением, писала же – как, впрочем, и на своем родном языке – с ошибками. Избежать уроков отвратной Моура можно было проверенным способом – притвориться больной, и Клара не знала, что и думать: любимая дочь никогда столько не хворала, как в Пиренеях, – влажно, должно быть...

Имелась, правда, отдушина – театр. Вместе с двумя подружками-англичанками, жившими в той же гостинице, Агата ставит по вечерам спектакли по мотивам известных волшебных сказок: «Золушки», «Спящей красавицы», «Синей Бороды» и «Тысячи и одной ночи», где Агата щеголяет в разноцветных шароварах. Особенно удалась ей «Золушка». Крупная не по годам, Агата исполняет роль Прекрасного принца и, одновременно, – Золушкиных уродливых, завистливых сестер. И неизменно «срывает аплодисмент». «Зря ты не сыграла вдобавок роль кареты и потерянной туфельки, у тебя бы получилось», – шутит Фредерик.

Из По, города в Пиренеях, который последние годы облюбовали английские и американские туристы и в котором звучит английская речь, открываются английские кафе и книжные магазины, Миллеры направляются в Лионский залив, некоторое время живут в живописной приморской деревушке Аржеле-сюр-Мэр. Оттуда едут в Лурд, в святилище лурдской Божьей матери. Агата никогда еще не видела такого количества нищих, больных, увечных и набожных – Мадонна не отказывает никому. Среди страждущих – и пятидесятилетний Фредерик: последнее время у мистера Миллера пошатнулось не только бывшее благосостояние, но и здоровье – боли в сердце, почки...

Из Лурда Миллеры перебираются в Париж, а на обратном пути в Англию путешествуют по Бретани и некоторое время живут на овечьем романтикой острове Гернси. К Парижу Агата, кстати говоря, тоже осталась равнодушной: на открытках, уверяет она родителей, Эйфелева башня куда красивее, чем в жизни, шум от транспорта стоит «устрашающий», улицы забиты людьми, да и соотечественников, увы, хватает – мы все по какой-то таинственной логике, когда путешествуем, стараемся держаться подальше от соотечественников. И чем они нам мешают?

В Лондон Агату до Франции еще не возили; в столице она начнет бывать лишь через год, осенью 1897-го, когда Миллеры вернутся из своего затянувшегося заграничного турне.

⁵ Beau séjour – «прекрасное жилище». (фр.)

Клара будет ходить по лондонским магазинам, а семилетняя Агата тем временем – заниматься музыкой с некогда знаменитой престарелой немецкой дивой фрейлейн Удер.

Пением и игрой на фортепиано и на мандолине дело не ограничилось. Клара настояла на том, чтобы Агата брала, вдобавок к музыке, уроки танцев. Раз в неделю, по четвергам, она водит дочь в кондитерскую миссис Каллард, где на втором этаже мисс Флоренс Эва Хикки учит девочек танцевать, и Агата (с детства сластена), жадно вдыхая идущий снизу терпкий запах шоколада, танцует вальсы и польки под музыку Иоганна Штрауса. За отсутствием мальчиков танцевать приходилось со сверстницами или, того хуже, – со строгой, никогда не улыбающейся, подтянутой, краснолицей мисс Флоренс, которую девочки называли «подмороженной»; мисс Флоренс отбивала ритм своей маленькой желтой ручкой, за что получила кличку «Метроном».

Урокам музыки и танцев Агата – странная для девочки прихоть – предпочитает крокетные матчи, особенно когда судит их отец, заядлый крокетист. Последнее время, правда, крокет занимает мистера Миллера меньше, чем поиски работы и слабое здоровье. Фредерик, как и жена, мнителен, они регулярно на пару читают медицинские журналы, он скрупулезно ведет счет своим сердечным припадкам: «С апреля 1899 года по июнь 1901-го – пятнадцать припадков, в основном ночью». Ведет счет сердечным припадкам и подробно пишет жене, что сказали врачи, успокаивает и ее, и себя:

*«Моя дорогая Клара,
виделся сегодня с Сэнсомом. Уверяет, что всё от нервов, и рекомендует то же, что и раньше: побольше свежего воздуха и кипяченой воды, стакан молока после еды и столовую ложку рыбьего жира... Последние пару дней чувствую себя превосходно. Хватит врачей! Надеюсь скоро поправиться».*

Мнителен Фредерик, что называется, не на пустом месте: он и в самом деле не жилец; стакан молока и столовая ложка рыбьего жира не помогают – и осенью 1901 года Миллер умирает, и не от сердца или почек, что ему единодушно предрекали врачи, а от «тривиальной» пневмонии. Простудился по дороге из Лондона, где встречался по поводу работы с каким-то сановным министерским чином, заработал бронхит, бронхит развился в воспаление легких. От кашля ему были прописаны такие «мощные» целебные средства, как трава мать-и-мачеха и покой. «С вашей болезнью покой – главное», – авторитетно заявила местная знаменитость. Через несколько дней покой оказался вечным. Отцу Агаты было пятьдесят пять лет.

Глава вторая

«Голос как у птички». Проба пера

1.

На смерть мужа и отца Клара и дети отреагировали по-разному. Клара целыми днями лежала в комнате с задернутыми шторами, с мокрым полотенцем на голове, ничего, кроме конфет, не ела, громко, натужно всхлипывала и то и дело хваталась за грудь: не инфаркт ли? И читала и перечитывала, заливая слезами, письмо, которое Фредерик написал ей за несколько дней до смерти:

«Ты изменила всю мою жизнь. С каждым годом нашей совместной жизни я любил тебя всё больше и больше... Да благословит тебя Бог, моя любимая, скоро мы опять будем вместе».

Фредерик любил мыло фирмы «Пирс»; и Клара вложила кусок этого прозрачного мыла в конверт и на конверте написала трогательные и довольно невнятные строки: «Я не вижу тебя – и всё же вижу, как от тебя, от твоего лица, исходит утешение». Сохранила также записную книжку мужа, где он помечал расходы, и между страниц вложила прядь его каштановых с проседью волос, а также карточку, на которой покойник незадолго до смерти начертил:

«Есть на свете четыре вещи, которые не возвращаются ни к мужчине, ни к женщине. Это сказанное слово, выпущенная стрела, прожитая жизнь и упущенная возможность».

Монти, успевший за это время завалить экзамены в Харроу, поработать – и тоже без особого успеха – в судостроительной фирме и уплыть в Южную Африку воевать с бурами, на телеграмму о смерти отца не отозвался. У Мэдж было слишком много безотлагательных светских обязательств, чтобы погрузиться в траур. Одиннадцатилетняя Агата оказалась куда заботливей старших брата и сестры. Не отходила от матери ни на шаг, читала ей вслух Скотта, Теккерея, своего любимого Диккенса, спать ложилась в соседней комнате, несколько раз за ночь приходила проведать мать. И справила тризну по отцу на свой лад: одевала кукол в траурные одежды и распевала с ними псалмы. И уже тогда от волнения облизывала губы и судорожным движением поправляла волосы.

Спустя два месяца после смерти мужа Клара, по совету домашнего врача и близкого друга доктора Хаксли, уезжает вместе с Мэдж, которую, рыдая, называет «мой поводырь», во Францию. Агата же остается на попечении миссис Ро, служанки и поварихи в одном лице, а также пяти дочерей доктора Хаксли. Вместе с ними она в шляпке с перьями фазана и в длинной, ненавистой юбке («изошренная китайская пытка!») катается по пирсу на роликовых коньках, раз в неделю ходит на уроки пения к некоему мистеру Кроу, который не устает восхищаться ее «чистым и нежным сопрано». А также играет на мандолине и вместе с Мюриэл, самой смешливой из сестер Хаксли, посещает по средам уроки танцев.

А еще, и уже не первый год, ведет дневник, запоем читает стихи Элизабет Барретт Браунинг, пишет стихи и сама. Стихи про примулы, что мечтают стать колокольчиками и горько сетуют, что лишены «столь прелестных голубых одеяний». До Мэдж ей и в этом отношении далеко. Старшая сестра в свои 23 успевает не только флиртовать и танцевать на балах – она тоже сочиняет, и не стишки про незавидную судьбу примул, а рассказы. И не только сочиняет, но и публикует, причем не где-нибудь, а в «Vanity Fair», одном из самых модных и известных столичных журналов, в рубрике с претенциозным и вполне оправданным названием «Поверхностные истории». А спустя лет двадцать (как говорится, «в другой жизни») напишет пьесу «Претендент», в которой выведет известного мошенника, выдававшего себя за барона и претендовавшего на большое наследство и фамильный особняк, сэра Чарльза Доути Тичборна,

которого судили в 1873 году. Известному лондонскому режиссеру Бейзилу Дину пьеса понравится, и осенью 1924 года он поставит ее в Уэст-Энде в театре Святого Мартина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.